

САША ЧЁРНЫЙ, К. ПАУСТОВСКИЙ,
М. ЗОЩЕНКО, Э. УСПЕНСКИЙ,
Е. ШВАРЦ, Н. ТЭФФИ...

Большая К[🐱]шачья Книга

УДК 821-82
ББК 84(0)я43
Б79

Художник
Нонна Алешина

Б79 Большая кошачья книга : [рассказы и сказки] / В. Астафьев, К. Паустовский, Б. Житков и др. ; — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 253, [3] с. : ил. — (Большая книга историй).

ISBN 978-5-17-164696-7.

Кошки — существа ласковые, своенравные, самостоятельные, любящие и очень-очень разные. Они живут с человеком, но немного отдельно, нуждаются в похвале, но проявляют независимость. Кто они — эти загадочные грациозные существа со снисходительным взглядом? Об этом задумываемся мы, простые кошатники, об этом размышляли большие писатели, пытавшиеся разгадать внутренний мир не только человека, но и кошки. В эту книгу вошли рассказы и сказки о котях А. И. Куприна, В. Астафьева, К. Паустовского, М. Зощенко и многих других.

Для младшего школьного возраста.

УДК 821-82
ББК 84(0)я43

ЕАС

© Астафьев В. П., насл., 2025

© Дружинина М. В., 2025

© Заходер Б. В., насл., 2025

© Зощенко М. М., насл., 2025

© Паустовский К. Г., насл., 2025

© Успенский Э. Н., насл., 2025

© Чаплина В. В., насл., 2025

© Шварц Е. Л., насл., 2025

© Алешина Н. В., ил., 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

А. И. Куприн

Ю-Ю

Если уж слушать, Ника, то слушай внимательно. Такой уговор. Оставь, милая девочка, в покое ска-терть и не заплетай бахрому в ко-сички...

Звали её Ю-ю. Не в честь ка-кого-нибудь китайского мандарина Ю-ю и не в память папирос Ю-ю, а просто так. Увидев её впервые маленьким котёнком, молодой че-ловек трёх лет вытаращил глаза от удивления, вытянул губы трубочкой и произнёс: «Ю-ю». Точно свистнул. И пошло — Ю-ю.

Сначала это был только пуши-стый комок с двумя весёлыми гла-зами и бело-розовым носиком. Дре-

мал этот комок на подоконнике, на солнце; лакал, жмурясь и мурлыча, молоко из блюдечка; ловил лапой мух на окне; катался по полу, играя бумажкой, клубком ниток, собственным хвостом... И мы сами не помним, когда это вдруг вместо чёрно-рыже-белого пушистого комка мы увидели большую, стройную, гордую кошку, первую красавицу города и предмет зависти любителей.

Ника, вынь указательный палец изо рта. Ты уже большая. Через восемь лет — невеста. Ну что, если тебе навяжется эта гадкая привычка? Приедет из-за моря великолепный принц, станет свататься, а ты вдруг — палец в рот! Вздохнёт принц тяжело и уедет прочь искать другую невесту. Только ты и увидишь издали его золотую карету с зеркальными стёклами... да пыль от колёс и копыт...

Выросла, словом, всем кошкам кошка. Тёмно-каштановая с огненными пятнами, на груди пышная белая манишка, усы в четверть аршина, шерсть длинная и вся лоснится,

задние лапки в широких штанинах, хвост как ламповый ёрш!..

Ника, спусти с колен Бобика. Неужели ты думаешь, что щенячье ухо это вроде ручки от шарманки? Если бы так тебя кто-нибудь крутил за ухо? Брось, иначе не буду рассказывать.

Вот так. А самое замечательное в ней было — это её характер. Ты заметь, милая Ника: живём мы рядом со многими животными и совсем о них ничего не знаем. Просто — не интересуемся. Возьмём, например, всех собак, которых мы с тобой знали. У каждой — своя особенная душа, свои привычки, свой характер. То же у кошек. То же у лошадей. И у птиц. Совсем как у людей...

Ну скажи, видала ли ты когда-нибудь ещё такую непоседу и егозу, как ты, Ника? Зачем ты нажимаешь мизинцем на веко? Тебе кажутся две лампы? И они то съезжаются, то разъезжаются? Никогда не трогай глаз руками...

И никогда не верь тому, что тебе говорят дурного о животных.

Тебе скажут: осёл глуп. Когда человеку хотя бы намекнуть, что он недалёк умом, упрям и ленив, — его деликатно называют ослом. Запомни же, что, наоборот, осёл — животное не только умное, но и послушное, и приветливое, и трудолюбивое. Но если его перегрузить свыше его сил и вообразить, что он скаковая лошадь, то он просто останавливается и говорит: «Этого я не могу. Делай со мной что хочешь». И можно бить его сколько угодно — он не тронется с места. Желал бы я знать, кто в этом случае глупее и упрямее: осёл или человек? Лошадь — совсем другое дело. Она нетерпелива, нервна и обидчива. Она сделает даже то, что превышает её силы, и тут же подохнет от усердия...

Говорят ещё: глуп, как гусь... А умнее этой птицы нет на свете. Гусь знает хозяев по походке. Например, возвращаясь домой среди ночи. Идёшь по улице, отворяешь калитку, проходишь по двору — гуси молчат, точно их нет. А незнакомый вошёл во двор —

сейчас же гусиный переполох: «Га-га-га! Га-га-га! Кто это шляется по чужим домам?»

А какие они... Ника, не жуй бумагу. Выплюнь... А какие они славные отцы и матери, если бы ты знала! Птенцов высидывают поочередно — то самка, то самец. Гусь даже добросовестнее гусыни. Если она в свой досужный час заговорится через меру с соседками у водопойного корыта, — по женскому обыкновению, — господин гусь выйдет, возьмёт её клювом за затылок и вежливо потащит домой, ко гнезду, к материнским обязанностям. Вот как-с!

И очень смешно, когда гусиное семейство изволит прогуливаться. Впереди он, хозяин и защитник. От важности и гордости клюв задрал к небу. На весь птичник глядит свысока. Но беда неопытной собаке или легкомысленной девочке вроде тебя, Ника, если вы ему не уступите дороги: сейчас же зазмеит над землёю, зашипит, как бутылка содовой воды, разинет жёсткий клюв,

а назавтра Ника ходит с огромным синяком на левой ноге, ниже колена, а собачка всё трясёт ущемлённым ухом.

А за гусем — гусенята, жёлто-зелёные, как пушок на цветущем вербном барашке. Жмутся друг к дружке и пищат. Шеи у них голенькие, на ногах они не тверды — не веришь тому, что вырастут и станут, как папаша. Маменька — сзади. Ну её просто описать невозможно — такое вся она блаженство, такое торжество! «Пусть весь мир смотрит и удивляется, какой у меня замечательный муж и какие великолепные дети. Я хоть и мать и жена, но должна сказать правду: лучше на свете не сыщешь». И уж переваливается с боку на бок, уж переваливается... И вся семья гусиная — точь-в-точь как добрая немецкая фамилия на праздничной прогулке.

И отметь ещё одно, Ника: реже всего попадают под автомобили гуси и собачки таксы, похожие на крокодилов, а кто из них на вид неуклюжее, — трудно даже решить.

Или, возьмём, лошадь. Что про неё говорят? Лошадь глупа. У неё только красота, способность к быстрому бегу да память мест. А так — дура дурой, кроме того ещё, что близорука, капризна, мнительна и непривязчива к человеку. Но этот вздор говорят люди, которые держат лошадь в тёмных конюшнях, которые не знают радости воспитать её с жеребьячьего возраста, которые никогда не чувствовали, как лошадь благодарна тому, кто её моет, чистит, водит коваться, поит и задаёт корм. У такого человека на уме только одно: сесть на лошадь верхом и бояться, как бы она его не лягнула, не куснула, не сбросила. В голову ему не придёт освежить лошади рот, воспользоваться в пути более мягкой дорожкой, вовремя попоить умеренно, покрыть попонкой или своим пальто на стоянке... За что же лошадь будет его уважать, спрашиваю я тебя?

А ты лучше спроси у любого природного всадника о лошади, и он тебе всегда ответит: умнее, до-

брее, благороднее лошади нет никого, — конечно, если только она в хороших, понимающих руках.

У арабов — лучшие, какие только ни на есть, лошади. Но там лошадь — член семьи. Там на неё, как на самую верную няньку, оставляют малых детей. Уж будь спокойна, Ника, такая лошадь и скорпиона раздавит копытом, и дикого зверя залягает. А если чумазый ребялёнок уползёт на четвереньках куда-нибудь в колючие кусты, где змеи, лошадь возьмёт его нежненько за ворот рубашонки или за штанишки и оттащит к шатру: «Не лазай, дурачок, куда не следует».

И умирают иногда лошади в тоске по хозяину, и плачут настоящими слезами.

А вот как запорожские казаки пели о лошади и об убитом хозяине. Лежит он мёртвый среди поля, а

Вокруг его кобыльчина ходе,
Хвостом мух отгоняе,
В очи ему заглядае,
Пырська ему в лице.

Ну-ка? Кто из них прав? Воскресный всадник или природный?..

Ах, ты всё-таки не позабыла про кошку? Хорошо, возвращаюсь к ней. И правда: мой рассказ почти исчез в предисловии. Так, в Древней Греции был крошечный городишко с огромнейшими городскими воротами. По этому поводу какой-то прохожий однажды пошутил: смотрите бдительно, граждане, за вашим городом, а то он, пожалуй, ускользнёт в эти ворота.

А жаль. Я бы хотел тебе рассказать ещё о многих вещах: о том, как чистоплотны и умны оклеветанные свиньи, как вороны на пять способов обманывают цепную собаку, чтобы отнять у неё кость, как верблюды... Ну ладно, долой верблюдов, давай о кошке.

Спала Ю-ю в доме, где хотела: на диванах, на коврах, на стульях, на пианино сверх нотных тетрадок. Очень любила лежать на газетах, подползши под верхний лист: в типографской краске есть что-то лакомое для кошачьего обоняния, а

кроме того, бумага отлично хранит тепло.

Когда дом начинал просыпаться, — первый её деловой визит бывал всегда ко мне и то лишь после того, как её чуткое ухо улавливало утренний чистый детский голосок, раздававшийся в комнате рядом со мною.

Ю-ю открывала мордочкой и лапками неплотно затворяемую дверь, входила, вспрыгивала на постель, тыкала мне в руку или в щёку розовый нос и говорила коротко: «Муррм».

За всю свою жизнь она ни разу не мякнула, а произносила только этот довольно музыкальный звук «муррм». Но было в нём много разнообразных оттенков, выражавших то ласку, то тревогу, то требование, то отказ, то благодарность, то досаду, то укор. Короткое «муррм» всегда означало: «Иди за мной».

Она спрыгивала на пол и, не оглядываясь, шла к двери. Она не сомневалась в моём повиновении.

Я слушался. Одевался наскоро, выходил в темноватый коридор.

Блестя жёлто-зелёными хризолитами глаз, Ю-ю дожидалась меня у двери, ведущей в комнату, где обычно спал четырёхлетний молодой человек со своей матерью. Я притворял её. Чуть слышное признательное «мрм», S-образное движение ловкого тела, зигзаг пушистого хвоста, — и Ю-ю скользнула в детскую.

Там — обряд утреннего здорованья. Сначала — почти официальный долг почтения — прыжок на постель к матери. «Муррм! Здравствуйте, хозяйка!» Носиком в руку, носиком в щёку, и кончено; потом прыжок на пол, прыжок через сетку в детскую кроватку. Встреча с обеих сторон нежная.

«Муррм, муррм! Здравствуй, дружок! Хорошо ли почивал?»

— Ю-юшенька! Юшенька! Восторгательная Юшенька!

И голос с другой кровати:

— Коля, сто раз тебе говорили, не смей целовать кошку! Кошка — рассадник микробов...

Конечно, здесь, за сеткой, вернейшая и нежнейшая дружба. Но

